

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.4
EDN: BDTYEE

Этнография спонтанной экологической мобилизации: разлив мазута в Черном море — 2024

Ссылка для цитирования:

Тысячнюк М. С. Этнография спонтанной экологической мобилизации: разлив мазута в Черном море — 2024 // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 71–101. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.4> EDN: BDTYEE

For citation:

Tysiachniouk M. S. (2025) Ethnography of Spontaneous Ecological Mobilization: The Black Sea Oil Spill of 2024. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 4. P. 71–101. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.4>

Тысячнюк Мария Сергеевна

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mtysiachn@gmail.com

Статья посвящена исследованию опыта волонтеров, участвовавших в ликвидации последствий разлива мазута в Керченском проливе 15 декабря 2024 года. В ситуации отсутствия четких протоколов и институциональной поддержки мобилизация строилась на индивидуальных мотивациях, спонтанных решениях и совместных практиках заботы. На материалах включенного наблюдения, фокус-группы и 90 интервью анализируются способы, с помощью которых люди встраивались в ситуацию катастрофы. Мотивация участвовать описывается не только как чувство долга или моральное обязательство, но и как поиск нового опыта, ответ на личный кризис и стремление восстановить нарушенную связь с природой. Пространство штабов по очистке берегов и по спасению птиц одновременно представляло собой смешение материального и социального, становилось рабочим узлом и символическим центром общности.

Особое значение имели практики взаимодействия с птицами и эмоционального сопереживания, в которых волонтеры осваивали новые навыки (отмывание, очистку желудочно-кишечного тракта, искусственное кормление)

и формировали чувство ответственности. Эти переживания находили выражение и в визуальных образах, включая настенные росписи, карты, граффити и детские рисунки, которые превращали повседневное пространство в поле символической коммуникации и коллективной поддержки. В совокупности эти практики формируют опыт солидарности, рождающейся в условиях уязвимости и неопределенности. Экологическая катастрофа предстает не только разрушением, но и началом формирования новых режимов общности и гражданской вовлеченности. Рассмотренный в статье российский случай дополняет существующие исследования катастроф, демонстрируя, что вне институциональных рамок возможно возникновение инфраструктуры заботы, соединяющей материальное, социальное и эмоциональное измерения.

Ключевые слова: экологическая катастрофа; разлив мазута; очистка берегов Черного моря; спасение птиц; забота; гражданская вовлеченность; волонтер

Благодарности

Выражаю признательность Яне Хмельницкой за активное участие в исследовании и поддержку базы данных информантов. Особая благодарность Александре Орловой и Софии Белошицкой, подготовившим карту исследования. Также я благодарю всех информантов, в особенности Татьяну Егорову, за помощь в поиске участников, прибывших к месту катастрофы первыми, за организацию фокус-группы и сопровождение по различным локациям в Крыму. Наконец, признательность выражается Елене Здравомысловой и Александрине Ваньке за ценные комментарии на ранних этапах подготовки рукописи.

Введение

Экологические катастрофы, связанные с разливами нефти, уже несколько десятилетий остаются предметом изучения социальных наук. Существующая литература, основанная преимущественно на случаях из Северной Америки и Западной Европы, детально описывает стандартизированные протоколы спасения животных, институциональные механизмы координации помощи и эмоциональный труд волонтеров в условиях относительно стабильных политических систем [Florina, Ziccardi, 2019]. Однако подобные исследования часто оставляют за скобками вопросы о том, как добровольческие практики формируются в условиях дефицита ресурсов, государственного давления или отсутствия инфраструктуры гражданского общества. Классические работы, такие как исследования Международной организации по спасению птиц (International Bird Rescue) или анализ бюрократических ограничений во время катастрофы в Мексиканском заливе [Ottinger, 2022], фиксируют, как волонтеры

взаимодействуют с официальными структурами, но редко рассматривают ситуации, где помощь организуется снизу, вопреки логике государственного контроля. Эмоциональные аспекты волонтерства, например, ритуалы, помогающие справиться с травмой, изучались преимущественно в контекстах, где психологическая поддержка встроена в систему реагирования. Однако в условиях, когда катастрофа происходит на фоне политической нестабильности или военных действий, подобные практики могут принимать иные формы, оставаясь невидимыми для академического анализа.

15 декабря 2024 года разлив мазута в Керченском проливе после шторма, разломившего пополам танкеры «Волгонефть-212» и «Волгонефть-239», привел к загрязнению более 60 километров побережья Краснодарского края и Крымского полуострова. В последующие недели на побережье стали прибывать волонтеры, образовавшие стихийные сети помощи по очистке береговой линии и спасению пострадавших птиц, дельфинов и других животных. Изучение Черноморского случая предлагает важное дополнение к существующим исследованиям, демонстрируя, как волонтерские сети возникают в обход официальных ограничений, а использование подручных средств заменяет отсутствующие ресурсы. Если в Калифорнии или Канаде работа строится согласно заранее подготовленным инструкциям, здесь ключевыми становятся спонтанные решения и альтернативные системы коммуникации. Кроме того, взаимодействие с пострадавшими животными приобретает особый характер: птицы и другие обитатели побережья — не просто пассивные объекты помощи, но и акторы, активно влияющие на организацию пространства и распорядок дня волонтеров. Рассматриваемый пример позволяет пересмотреть устоявшиеся представления о гражданской мобилизации в условиях кризиса, сместив фокус с институциональных рамок на повседневные тактики выживания — как для людей, так и для животных, ставших жертвами катастрофы. Включение подобных кейсов в академический дискурс расширяет исследования моделей реагирования, предлагая альтернативные пути осмысления взаимосвязи между экологией, политикой и низовыми инициативами.

Исследование основано на материалах участвующего наблюдения и интервью, фокусируется на повседневных практиках волонтеров, работавших на берегу и в штабах по спасению птиц. В центре исследовательского внимания находится следующий основной вопрос. Как в условиях отсутствия институциональной поддержки и четких протоколов волонтеры встраивались в ситуацию экологической катастрофы, создавая практики заботы, солидарности и новые формы общности? Мы разбиваем его на вспомогательные подвопросы: какие мотивы — от морального долга до поиска личного опыта и восстановления связи с природой — определяли участие волонтеров в ликвидации последствий катастрофы; как пространство штабов по спасению птиц и очистке берегов становилось одновременно пространством работы и символическим центром сообщества волонтеров. Таким образом, практики взаимодействия с птицами и их визуализация (рисунки, росписи, граффити) трансформировали эмоциональный опыт участников и укрепляли чувство солидарности. Исследование рассматривает эти практики не как исключительный случай

гражданской мобилизации, а как специфический режим повседневности, сложившийся в условиях экологической катастрофы. Особое внимание уделяется материальным аспектам работы — используемым инструментам, организации пространства, телесным практикам взаимодействия с пострадавшими животными и загрязненной средой.

Материальное, аффективное и символическое в волонтерском ответе

Анализ волонтерской деятельности во время ликвидации последствий разлива мазута в Черном море строится на пересечении нескольких теоретических направлений, позволяющих рассмотреть волонтерскую мобилизацию как сложный социально-материально-эмоциональный процесс ответа на экзистенциальную катастрофу в локальном выражении. Ключевым понятием здесь выступает инфраструктура: временные штабы и «инфраструктуры на коленке» [Larkin, 2013; Tsing, 2015]. Ее можно понимать не только в утилитарном измерении как склады, мойки или пункты распределения, но и как узлы социальной жизни и политической динамики. Именно там рождаются формы солидарности в условиях институционального вакуума [Larkin, 2013]. В этом отношении наш анализ опирается на идеи Анны Цзин [Tsing, 2015] о жизни во временных и несовершенных условиях, в которых импровизированные практики выживания становятся кристаллизацией новых форм взаимодействия. Штабы в Керченском проливе предстали именно такими пространствами — одновременно техническими и символическими, где материальное было неотделимо от социального.

Эмоциональное измерение этих практик не менее значимо. Теория эмоционального труда Арли Хохшильд [Hochschild, 2018] помогает рассмотреть, каким образом волонтеры регулировали собственные чувства и формировали коллективные ритуалы, делающие повседневный стресс управляемым. В ситуациях неопределенности аффективная работа становилась частью организационной логики. Вводя понятие эмоциональных режимов, Дидье Фассен [Fassin, 2013] подчеркивает, что управление чувствами — это не только индивидуальный опыт, но и элемент политической рациональности. Применительно к катастрофе это означает, что эмоциональная атмосфера штабов была не побочным продуктом взаимодействия, а условием воспроизводства самой мобилизации.

Особое место занимает перспектива заботы. Вслед за Джоан Тронто [Tronto, 2020], мы рассматриваем заботу как политическую и моральную практику, распределенную во времени и социальном пространстве. Включение подхода *more-than-human* Марии Пуйг де ла Беллакаса [de La Bellacasa, 2017] позволяет увидеть птиц не просто как объекты помощи, а как соактеров, организующих ритм волонтерской работы и придающих ей смысл. Их присутствие структурировало графики дежурств, распределение ресурсов и эмоциональные вложения участников. Тем самым практики заботы расширялись за пределы

человеческого сообщества, превращаясь в опыт совместного выживания и со-бытия.

Коммуникационное измерение катастрофы открывает еще один слой анализа. Исследования экологической коммуникации [Cox, 2023] и роли цифровых медиа в чрезвычайных ситуациях [Houston et al., 2015] показывают, что социальные сети функционируют как каналы мобилизации, координации и эмоциональной поддержки. Согласно выводам Уиттакера с коллегами [Whittaker, 2015], российский случай демонстрирует ключевое значение неформального волонтерства: именно через онлайн-каналы происходили набор добровольцев, обмен знаниями и формирование чувства сопричастности.

Наконец, отдельного рассмотрения требуют визуальные практики штабов. Настенные росписи, карты, граффити и детские рисунки можно анализировать через антропологию визуальности и агентности образа [Gell, 1998; Geismar, 2018; Marcus, 2021; Pink, 2020]. Следуя Мишелю де Серто [De Certeau, 1984], такие практики мы будем понимать как способы присвоения пространства катастрофы, превращающие его из зоны разрушения в пространство коллективной памяти и идентичности. Визуальные образы работали не только как украшения, но и как символические якоря, поддерживавшие чувство общности и направлявшие эмоциональные режимы.

Таким образом, наша теоретическая рамка соединяет исследования инфраструктуры, эмоционального труда, заботы, коммуникации и визуальных образов. Она показывает, как в условиях экологической катастрофы в Керченском проливе возникли гибридные формы социальной жизни. Эти формы объединяют материальное, эмоциональное и символическое измерения и демонстрируют, что экологическая катастрофа — это не только разрушение, но и начало формирования новых режимов общности и гражданской вовлеченности. Такой подход позволяет вписать российский случай в более широкий контекст исследований катастроф [Picou, 1997; Solnit, 2010; Tierney, 2007], одновременно выявляя его особенности — институциональный вакуум, сильное измерение *more-than-human* и значимость визуальных практик как инфраструктуры солидарности.

Методология

Полевая работа

Полевое исследование проводилось с 4 марта по 15 апреля 2025 года. Экспедиция охватывала Краснодарский край и Крым: штабы помощи птицам, штабы по очистке берегов, а также отели, где жили волонтеры (рис. 1). В экспедиции наряду со мной принимала участие Яна Хмельницкая, социолог Высшей школы экономики. Мы делились друг с другом интервью и вместе вели полевые дневники. В процессе работы мы совмещали несколько качественных методов: участие в волонтерской деятельности, включенное наблюдение, фотодокументацию, проведение 90 полуструктурированных интервью и одной фокус-группы с волонтерами, которые стояли у истоков ликвидации

катастрофы. Приоритет в выборке информантов отдавался волонтерам, которые участвовали в ликвидации последствий аварии с декабря 2024 года, а также тем, кто возвращался в разные периоды и занимал руководящие позиции в штабах. Такая стратегия позволила охватить различные траектории вовлеченности и зафиксировать разнообразие волонтерского опыта.

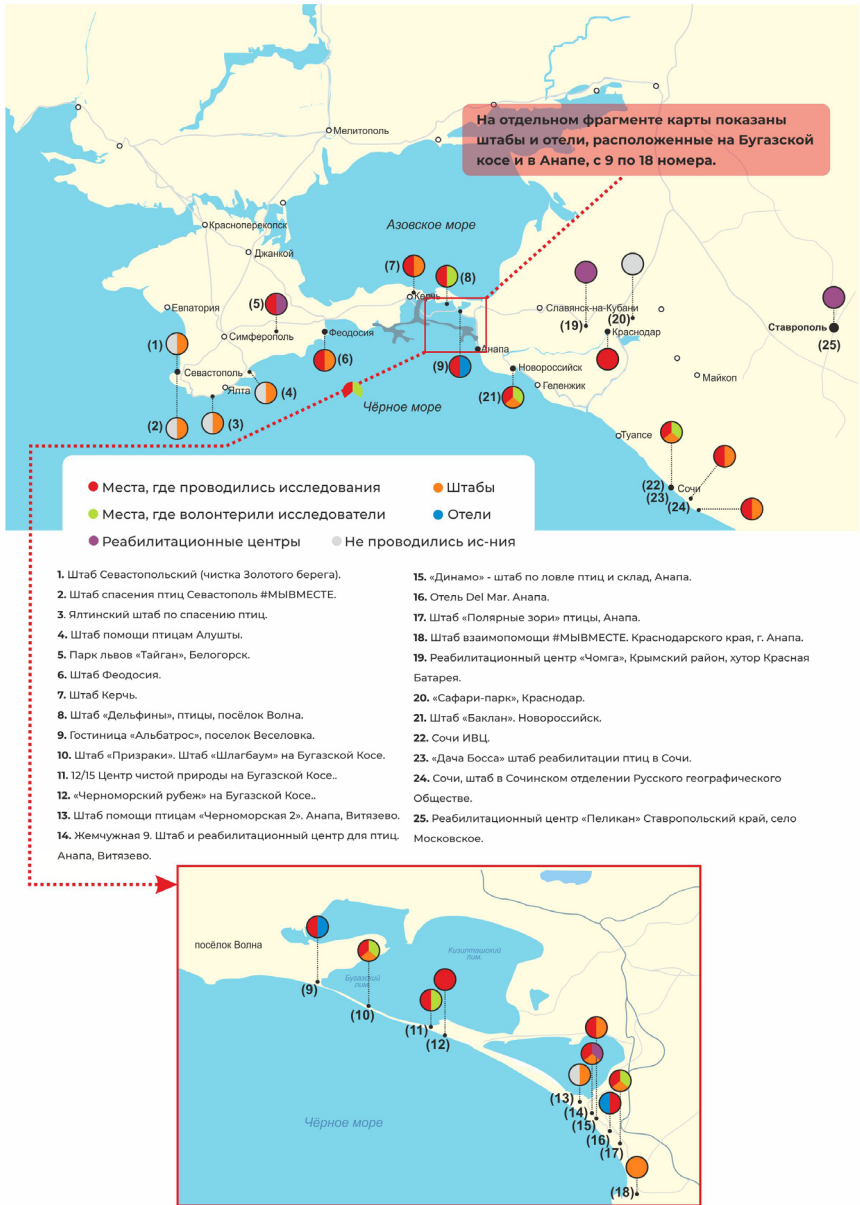

Рисунок 1. Карта мест проведения исследования
Источник: карта создана Александрой Орловой и Софией Белошицкой специально для этой статьи.

Социальный состав информантов оказался весьма разнородным. В штабы и на места работ приходили студенты, сотрудники СМИ, ветеринары, индивидуальные предприниматели, эксперты, художники, фотографы, люди рабочих профессий и многие другие. Наиболее заметной была молодежь до сорока лет, однако около пятой части участников составляли люди старшего возраста. Информанты младше 18 лет в исследование не включались: они не допускались к непосредственному контакту с мазутом. Среди волонтеров преобладали женщины. Гендерные различия проявлялись в характере труда: среди ловцов птиц встречалось приблизительно равное число мужчин и женщин, но на мойке и в процессе ухода за птицами особенно заметно было присутствие девушек. В очистке берегов сохранялся баланс, тогда как строительные и ремонтные работы чаще всего выполняли мужчины.

Стремясь к максимально широкому охвату, мы сознательно включали в круг информантов людей разных профессий и занятых различными видами волонтерской помощи. Это позволило уловить разнообразие практик, возникавших в условиях экологической катастрофы.

Визуальная этнография экокатастроф

Особенностью данного исследования стало сочетание классических этнографических практик с визуальными методами. Мы не только наблюдали за повседневностью волонтеров, но и сами участвовали в спасательных операциях и уборке побережья. Такая двойная вовлеченность позволила глубже понять логику действий участников и динамику организации штабов. Ключевым методологическим приемом стало совмещение ролей *исследователя* и *волонтера*. Эта двойная перспектива сделала возможным выявление эмпатических и аффективных измерений волонтерства, которые трудноуловимы при классическом дистанцированном наблюдении.

Визуальные методы занимают центральное место в исследовании: фотодокументация процессов работы, материальных объектов (карт, плакатов, граффити, рисунков птиц в штабах) и бытовых условий жизни волонтеров стала не только вспомогательным источником данных, но и аналитическим инструментом. Визуальные артефакты, создаваемые самими волонтерами, позволили зафиксировать коллективные идентичности, формы солидарности и символическую репрезентацию катастрофы.

Наш подход находится в диалоге с традицией *этнографии катастроф*, в которой исследователи анализируют социальные практики и коллективные формы действия, возникающие в условиях катастроф [Auyero, Swistun, 2009; Davis, Walby, 2025]. Однако в отличие от большинства этнографий бедствий, акцентирующих внимание на институциональных реакциях или стратегиях выживания, мы сосредоточились на добровольческом измерении и на том, как экологическая катастрофа становится пространством для формирования новых сообществ, практик заботы и символических репрезентаций.

Особое значение визуальные методы приобретают в анализе солидарности. Фотографии и изображения, созданные как исследователями, так и самими волонтерами, не только документировали процесс спасения птиц

и очистки побережья, но и становились формой коллективного выражения сопричастности. Подобно тому, как в этнографических и визуальных исследованиях урагана «Катрина» [Tierney, 2007] и землетрясения на Гаити [Schuller, 2016] визуальные практики фиксировали уязвимость и разрушение, в нашем случае они делали видимым обратное — процессы заботы, объединения и совместного действия.

В этом смысле мы также опираемся на традиции *визуальной этнографии* [Grasseni, 2004], которая рассматривает визуальные данные не только как иллюстрацию, но и как полноценный способ познания и анализа. Наша работа на стыке этнографии катастроф и визуальной этнографии позволяет показать, что визуальное измерение не является второстепенным: оно раскрывает ключевые механизмы формирования солидарности и символического переосмысления катастрофы.

Результаты исследования

Мотивация волонтеров: «Если не я, то кто?»

На помощь местным жителям приехали волонтеры со всей России (рис. 2, 3). Волонтерское движение развивалось стремительно, в том числе через социальные сети [Houston et al., 2015; Сох, 2023].

«18-го я увидела видео: чомга вся „в глазури“... И 19-го поехала на мойку в «Черноморскую», уже дежурить» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Решение ехать спасать птиц и очищать побережье, как правило, рождалось из эмоционального порыва, переживания катастрофы как глубоко личного события:

«Я просто не могла оставаться дома, когда такое происходит. Захотелось хоть что-то сделать» (ж., волонтер, штаб «Полярные зори», Анапа, 18.03.2025).

Для многих этот шаг стал единственным возможным ответом на переживаемую тревогу и боль. Одни волонтеры говорили о давней привязанности к морю, воспринимая его как живое существо, которому теперь требуется помощь:

«Почему я пошла? Это огромное чувство долга перед морем. Сначала болели мы — оно нам помогало, теперь болеет море» (ж., местная жительница, автоволонтер, 29.03.2025).

Другие связывали решение приехать с памятью детства, когда мечтали стать ветеринарами и заботиться о животных:

«И вот наконец-то у тебя такой шанс, когда ты можешь помочь. У меня птицы замазученные в первую очередь перед глазами встали» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Так описывает свои чувства одна из участниц движения по ликвидации ЧС:

«Я поехала, потому что почувствовала: если не я, то кто?» (ж., волонтер, ветеринарный центр, Сочи, 09.03.2025).

Это переживание личной незаменимости повторялось в разных вариациях:

«Здесь я конкретно понимаю, что здесь я полезна. Если не будет моих рук, ног и меня вообще, то минус один человек» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Многие отмечали, что участие было продиктовано внутренней необходимостью:

«Мне важно было сделать что-то хорошее. Мне, наверное, было в том моменте критически важно... И поэтому это — не героизм» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Это внутреннее побуждение часто связывалось с чувствами совести и долга:

«Ну, лично мне-то надо, чтобы спокойнее спать. Чтобы совесть была спокойнее» (м., фотограф, штаб «Полярные зори», Анапа, 23.03.2025).

Для некоторых волонтерство становилось способом обрести смысл своей роли в текущей геополитической ситуации и справиться с личными кризисами:

«Здесь какой-то совсем другой мир: как будто я уже другой человек и не смогу жить ту обычную жизнь, в которой была раньше» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Другие говорили, что участие помогло им не уйти в депрессию:

«И вот чтобы совсем не уходить в эту депрессию, я в тот же день решила, что я иду волонтерить. Это был способ справиться» (ж., волонтер, Анапа, 21.03.2025).

Однако из индивидуального опыта это участие нередко вырастало в коллективное действие, наделенное более широким смыслом. В нынешней геополитической ситуации, когда многие формы политической и гражданской активности в России оказались существенно ограничены, экологическое

Рисунок 2. Штаб «Полярные зори» (спасение птиц): на карте обозначены места, откуда приезжали волонтеры

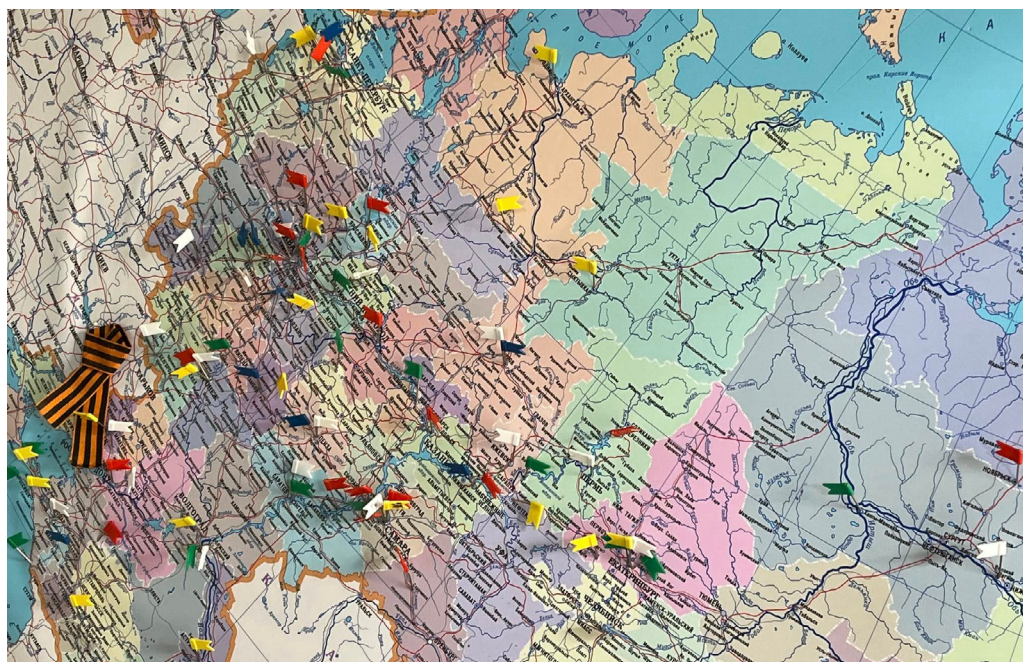

Рисунок 3. Штаб «Дельфины» (очистка берега): на карте обозначены места, откуда приезжали волонтеры

волонтерство становилось одной из немногих сфер, где люди ощущали возможность реального влияния. Оно воспринималось не только как личная терапия или моральный долг, но и как вклад в общее будущее, в сохранение условий жизни для последующих поколений. Один из участников делился:

«Мы же не сегодняшним днем живем. У нас дети есть, внуки» (м., фотограф, штаб «Полярные зори», Анапа, 23.03.2025).

Другая участница ликвидации ЧС сформулировала это еще конкретнее:

«По факту, наверное, каждый из нас делает это в первую очередь для своих детей. То есть чтобы они могли жить и видеть чистое море, и наблюдать перелетных птиц» (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новорос- сийск, 13.03.2025).

Тем самым в ситуации ликвидации ЧС экологическое волонтерство приобретало и латентно политическое измерение. Оно открывало пространство для коллективного действия, которое, оставаясь в рамках социально приемлемого и разрешенного, все же содержало в себе опыт гражданской субъектности. Через заботу о природе и будущем формировались практики ответственности и солидарности, косвенно восполнявшие утраченные каналы более явного политического участия. Подобные пересекающиеся сюжеты описывает антрополог Джереми Моррис [Morris, 2025] в книге *Everyday Politics in Russia*, чьи информанты рассказывают о своем участии в низовых экологических инициативах по очистке берегов рек и лесов в Калужской области.

Важной частью мотивации было и ощущение ценности совместного действия. Это чувство сопричастности находило отражение в простых, конкретных результатах:

«Когда ты взял себе участок, скажем, 20–24 метра, ты их прошел часов за пять, смотришь — и у тебя вот был грязный песочек, а теперь чистый песочек. Каждый день результат понятен» (м., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 14.03.2025).

Таким образом, за индивидуальными историями проступает более широкая картина: мотивация к участию формировалась на пересечении ценностей, личной памяти, этики ответственности и стремления обрести смысл. В этом отношении катастрофа становилась не только экологическим, но и экзистенциальным вызовом, на который волонтеры отвечали действием. Как отмечают исследователи, в условиях бедствий в людях раскрываются неожиданные способности к взаимопомощи и солидарности [Solnit, 2010; Basheva, Ermolaeva, 2025].

В литературе подобные практики рассматриваются как часть моральной экономики [Fassin, 2013], где действия людей определяются не столько материальными стимулами, сколько ценностями долга, совести и заботы о будущем.

Ранее работы, посвященные нефтяным катастрофам, например, на Аляске (разлив нефти из танкера «Эксон Валдиз») или в Мексиканском заливе [Pisou, 1997; Gill et al., 2016], акцентировали внимание преимущественно на травмах, социальных конфликтах и разрушении локальных сообществ. Однако другие исследования показывают, что гражданское вовлечение и солидарность являются типичными практиками в подобных ситуациях, традиционно смягчая последствия катастроф [Sharpe et al., 2019; Walker et al., 2015; Naggea, Miller, 2023].

Представленный материал демонстрирует, как в условиях российской действительности экология становится ареной формирования новых solidarностей и практик взаимной поддержки. Такой аналитический ракурс позволяет подчеркнуть не только разрушительные, но и созидательные последствия катастрофы.

Формирование штабов: материальное, социальное и эмоциональное в работе волонтеров

Разлив мазута был воспринят жителями и активистами как катастрофическое событие, требующее немедленных действий. Один из информантов описывал первые впечатления следующим образом:

«Кажется, что конец света. Пляж, мертвые птицы и мазут. И ощущение, что если сейчас ничего не сделать, будет поздно» (м., эксперт, Краснодар, 10.04.2025) (рис. 4).

Рисунок 4. Птица в мазуте, найденная на побережье

Местные жители оказались первыми участниками ликвидации последствий:

«15-го декабря я почувствовал запах дикий, а 16-го мне позвонили с утра, сказали, что нужно выйти на пляж — тут ужас что творится! Никаких СИЗов¹, никаких масок — ничего. Бегали, лопаты искали. И начали убирать» (м., местный житель, владелец малого бизнеса, Анапа, 25.03.2025).

В отсутствие официальной информации и координации инициативу взяли на себя активные граждане:

«С 17-го люди вышли на берег и обнаружили слой мазута. Потом стали добиваться от государства, чтобы оно эти мешки вывозило куда-то. Позже государство объявило федеральную ЧС» (м., эксперт, штаб «Черноморский рубеж», 18.03.2025).

Свидетельства подчеркивают не только экологический масштаб бедствия, но и телесно-чувственный опыт:

«Первые дни невыносимый запах стоял. Причем даже на Пионерском проспекте невозможно было дышать» (ж., фокус-группа, Анапа, 21.03.2025).

На побережье *«лежали пласты по 20–30 метров, ковер толщиной 20–30 сантиметров»* (ж., волонтер, Анапа, 21.03.2025). Для многих участие было выражением морального долга:

«Почему я пошла? Это огромное чувство долга перед морем. И народ пошел с открытым забралом на этот мазут, без защиты. Это просто реально человеческий вулкан, который тут был» (ж., местная жительница, Анапа, 30.03.2025).

Организация штабов по очистке берегов и спасению птиц в условиях разлива мазута может быть понята как пример «инфраструктуры на коленке» [Larkin, 2013; Tsing, 2015], возникающей в ситуации внезапной катастрофы, где практики складываются в хрупких и изменчивых обстоятельствах (рис. 5). На раннем этапе действия волонтеров носили хаотичный характер:

«Поначалу это просто было, как сказать, не очень организованно... Все приходили без опыта, пытались помочь, но по сути никто ничего не умел» (ж., ветеринарный центр, Сочи, 09.03.2025).

Однако уже в течение двух недель сложилась устойчивая организационная логика:

¹ СИЗ — средства индивидуальной защиты.

«Направление работы с птицей сформировалось в какую-то уже нормальную устоявшуюся рабочую систему. Полный цикл работы с птицей: отлов, автоволонтеры, мойка, стационар, — все это было организовано» (м., волонтер, штаб «Полярные зори», Анапа, 18.03.2025).

Рисунок 5. Штаб «Дельфины»

Пространство штаба выполняло складские, хозяйственные и социальные функции. Здесь хранились и распределялись средства защиты: *«Стояли коробки с сапогами, с масками, с респираторами»* (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025); *«инструменты для очистки пляжей (лопаты, мешки), а также оборудованные мойки для птиц, где одновременно работало по 20–25 человек»* (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.09.2025). Снабжение обеспечивалось благодаря коллективным усилиям в социальных сетях. *«Люди сбрасываются деньгами на пункт выдачи, привозят продукты»* (м., волонтер, организация «Чистая природа», Бугазская коса, 20.03.2025), что перекликается с пониманием инфраструктуры как узла материальных и социальных связей [Larkin, 2013].

Тактическая организация пространства проявлялась в постоянной адаптации к погоде и новым выбросам мазута:

«Мы почистили — пошел ветер, сдул слой песка — и мы опять заново эту зону чистили» (ж., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 15.03.2025) (рис. 6, 7).

Эти циклы иллюстрируют временную и повторяющуюся природу «инфраструктур на коленке», где каждое решение является неокончательным и подвержено пересмотру [Tsing, 2015].

Рисунок 6. Волонтеры в третий раз очищают один и тот же участок берега на Бугазской косе

Рисунок 7. Автор статьи на очистке берега

Наряду с материальными практиками формировалась эмоциональная инфраструктура — поддерживающие социальные и символические механизмы. Коллективное изобретение языка для обозначения смерти птиц показывает работу символического упорядочивания в условиях травматического опыта: *«Долгое время не было слова, которым назвать мертвых птиц. Потом ветеринары подарили нам слово „падеж“»* (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025). Это можно рассматривать через концепт эмоциональных режимов [Fassin, 2013; Hochschild, 2018], где управление чувствами становится частью совместной работы.

Повседневная жизнь штабов включала расписание и ритуализированные собрания:

«В 7.30 ты встаешь, ешь, выходишь чистишь мазут, потом обедаешь, потом опять чистишь. Вечером общее собрание, на котором есть возможность всем высказаться» (м., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 14.09.2025).

Так штабы становились гибридными пространствами — одновременно складами, мастерскими, социальными узлами и местами эмоциональной поддержки. В совокупности эти практики показывают, что временные штабы были не только техническими узлами ликвидации катастрофы, но и пространствами коммуникации и тактической самоорганизации, воплощая динамику «инфраструктур на коленке» [Larkin, 2013; Tsing, 2015], где материальное, социальное и эмоциональное соединяются в условиях институционального вакуума и экологической неопределенности.

Помощь птицам

Взаимодействие с пострадавшими птицами стало центральным элементом, определявшим и повседневные процедуры, и эмоциональный ритм работы волонтеров. Поведение птиц, их физическое состояние и исход лечения структурировали организацию труда, задавая его интенсивность, последовательность и смысловые рамки. Непосредственный контакт с птицами требовал от волонтеров особой телесной и эмоциональной вовлеченности:

«Птица, кстати, тоже: как у людей — характер у каждой свой. И вот ты на нее смотришь и нежно-нежно, вот как массаж когда делаешь, чувствуешь же тело. Птица — она такая же душа, она маленькая, но это душа» (ж., волонтер, мойка птиц, склад «Динамо», 08.04.2025).

Этот тип взаимодействия выстраивал не только технический порядок действий (отмывание от мазута, сушка, кормление), но и режим телесного внимания и бережности. Высокая смертность птиц формировала эмоциональные циклы работы и требовала от участников умения *«взять себя в руки и продолжать работать»* (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025). В первые дни *«птицы стали умирать прямо на руках, в процессе мойки... Это стало*

бить по людям вот прям сразу» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025). Волонтер отмечала, что именно первые жертвы были особенно тяжелыми: «Вот это, наверное, самое тяжелое было, что я над каждой птицей плакала» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025). Другой участник рассказывал о волонтерстве как о тяжелом моральном и физическом опыте:

«Было тяжело морально: уставший, голодный, а еще и не знаешь, спасешь ли хоть одну птицу. Очень много птиц умирает от стресса совокупного: и того, что измазались в мазуте, и того, что их куда-то притащили, и того, что их в коробку засунули. А смертность птиц достигает 90%» (м., исследователь-эксперт, штаб «Черноморский рубеж», 28.03.2025).

Эмоциональная нагрузка была столь высокой, что многие описывали ежедневный кризис, который стал частью волонтерского опыта:

«Может быть, это хорошо — пережить такое потрясение — для человека, чтобы стержень внутренний укрепить. Но у нас — истерика за истерикой. Я боялась, что птица в мойке умрет не потому, что птица умрет, а потому, что это потом 30 минут слез для тех трех, которые ее пытались спасти. Это была боль. И это — каждый день, просто каждые два часа какая-нибудь — бац! — истерика, — бац! — истерика. Конечно, нельзя пускать людей неподготовленных в такой ужас. Ну нельзя» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Чтобы поддержать других, волонтер нарисовала инструкцию, как работать и как беречь себя (чтобы не сойти с ума), по аналогии с кукухой из передачи *The Breakfast Show* (рис. 8).

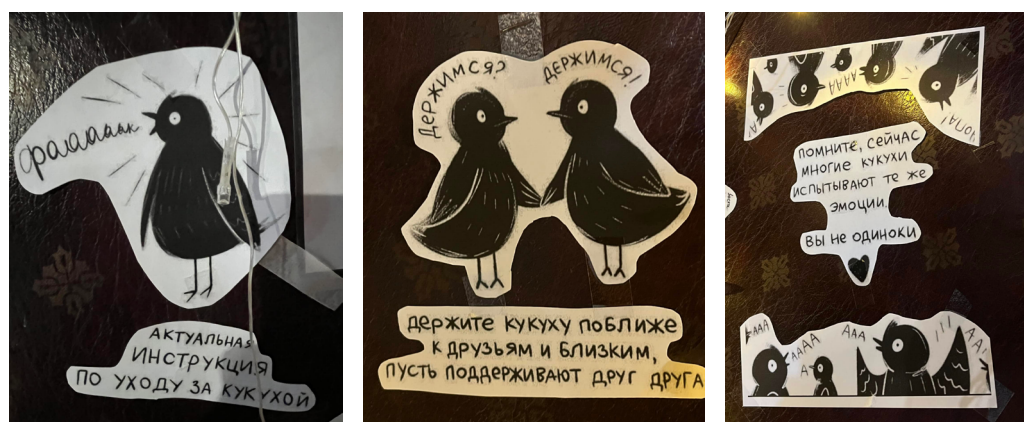

Рисунок 8. Фрагменты инструкции-заботы о волонтерах

Со временем волонтеры адаптировались к условиям ликвидации ЧС. Даже язык внутри штаба изменился: для умерших птиц стали использовать более

нейтральные термины (как отмечалось выше, «падеж»), чтобы снизить остроту эмоций. При этом важным оставалось сохранить надежду:

«Пусть на неделю, но мы дали птице шанс. И приложили все усилия, чтобы пусть даже эту неделю, но она прожила, питалась... Не опускаем руки, не расстраиваемся: сколько выживет, столько выживет» (м., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025).

Рисунок 9. Автор статьи осуществляет волонтерскую работу и ведет включенное наблюдение, штаб «Баклан», Новороссийск

Как показывают интервью и наблюдения, состояние птиц определяло приоритеты и ритм смен:

«Мы прекращаем разбирать птиц часов, наверное, в 6–7 утра... В 8 утра приходят другие волонтеры, и мы с ними начинали работать,

делать медицинские процедуры. Мы, наверное, первую неделю вообще не спали, там, может, минут по 20» (ж., волонтер, реабилитационный центр «Пеликан», Ставропольский край, 12.03.2025).

Ночные смены воспринимались как особенно тяжелые:

«Ночные смены тяжелее, чем дневные, потому что ты целую ночь моешь птиц» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Успехи, напротив, становились источником мобилизации и оправданием усилий: «даже если ты выпускаешь одну птицу, то это уже большая победа» (м., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025) (рис. 9). Волонтеры видели в этом не только спасение живых существ, но и экзистенциальное оправдание собственных действий (рис. 10):

«Я это увидела и почувствовала, что вот — я сделала: помыла птицу. Я увидела результат — все, она чистая. Все, я — молодец» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Рисунок 10. Адаптация птиц к жизни в природных условиях, центр реабилитации птиц «Тайган»

Таким образом, взаимодействие с птицами выполняло двоякую функцию. С одной стороны, оно определяло материально-технический порядок работы, включающий последовательность процедур, режим смен, новые экспериментальные практики вроде переливания крови от петухов больным

чомгам. С другой — формировало эмоциональную атмосферу штаба, где трагический опыт утрат сосуществовал с мобилизующей силой воодушевления от спасенных жизней. Птицы становились своеобразными организаторами процесса: их состояние диктовало ритм волонтерской работы, а их уязвимость структурировала коллективные усилия и придавала смысл всей деятельности. С академической точки зрения подобная динамика может быть рассмотрена как пример эмоциональной работы [Hochschild, 2018], когда участникам приходится регулировать собственные чувства, чтобы соответствовать нормам заботы и продолжать труд в условиях утрат. Одновременно это близко к концепции работы по уходу и заботе (care work) [Tronto, 2020; de la Bellacasa, 2017], где уход за умирающими понимается не только как техническая помощь, но и как этическая практика, придающая ценность самому процессу.

Тысячи птиц прошли через руки волонтеров и ветеринаров, но выжила лишь малая часть (менее 10%); эвтаназия применялась считанные разы. В этих условиях выхаживание умирающих становилось своеобразной этической инфраструктурой, удерживавшей людей в кризисе и придававшей смысл их действиям. В этой перспективе фигура спасателя требует особого теоретического осмысления. В отличие от волонтера, воспринимающегося прежде всего как добровольный участник, спасатель становится субъектом действия, направленного на преодоление разрушения и возвращение жизни. Его работа объединяет техническую помощь и эмоциональное сопереживание, физическое усилие и символическое сопротивление, которое осуществляется в условиях постоянной нехватки инфраструктуры, ресурсов и времени. Эта нехватка заставляет спасателей одновременно координировать действия, импровизировать, принимать организационные решения и справляться с собственным истощением.

При этом они не действуют в пустоте: даже в этих предельно тяжелых условиях их опыт раскрывает возможность возвращения к опорам, которые в повседневной жизни утрачены или забыты. Эти опоры — практики заботы, солидарности и сопричастности с природой — становятся источником силы и предметом гордости. Для многих участников спасение птиц оказалось редким временем жизни, когда труд, сопричастность и забота возвращали смысл существования и помогали ощутить собственную вовлеченность.

Наши наблюдения перекликаются с исследованиями волонтерской вовлеченности в чрезвычайных ситуациях. Как отмечает Катлин Тиерней [Tierney, 2007], катастрофы сопровождаются не только мобилизацией ресурсов, но и интенсивной эмоциональной нагрузкой, требующей коллективных механизмов адаптации. Исследователи [Whittaker et al., 2015] подчеркивают роль неформального волонтерства, где эмоции и опыт оказываются столь же важными, сколько и материальные ресурсы. В случае катастрофы в Черном море эти механизмы включали и новые профессионализированные практики (внесенные в среду волонтеров ветеринарами), и символическое переосмысление даже единичных спасенных жизней как общей победы. Исследования экологических катастроф показывают, что эмоциональные режимы формируют

не менее важный ресурс, чем инструменты и техника [Cox, 2023; Houston et al., 2015]. Наши интервью подчеркивают эту логику: сохранение вовлеченности при постоянных потерях требовало от волонтеров и индивидуальной работы над чувствами, и создания коллективной среды, где забота о самих себе была так же важна, как забота о птицах.

Визуализация в штабах

Заходя в штабы по спасению птиц и очистке берегов, невозможно было не заметить, что стены превращались в полотна коллективного воображения. Первое, что бросалось в глаза, — карты с отмеченными на них местами, откуда приехали волонтеры. Эти карты не только фиксировали географию участия, но и делали видимым сообщество, раскиданное по всей стране (рис. 11). Каждая отметка становилась своеобразным следом, вписанным в общую историю [Marcus, 2021; Pink, 2020].

Рисунок 11. Фотографии волонтеров из разных частей России, реабилитационный центр, штаб «Жемчужная»

В отдельных штабах появлялись граффити и настенные росписи (рис. 12, 13). Особую роль играли рисунки школьников. Они приходили со всей России и постепенно занимали все свободное место: простые карандашные наброски, яркие акварели — наивные, но проникновенные образы. Волонтеры говорили, что именно они придают силы. Эти рисунки становились медиаторами между полем и широкой аудиторией, превращая локальную практику в общенациональное дело [de Certeau, 1984].

Рисунок 12. Граффити, штаб «Жемчужная»

Рисунок 13. Волонтеры пишут о своих впечатлениях и оставляют памятные послания последователям

Визуализация выходила и за пределы настенных изображений. Уезжающим волонтерам на средства индивидуальной защиты — перчатки, маски, комбинезоны — наносили рисунки и слова напутствия (рис. 14). Утилитарные предметы становились носителями символической памяти и знаками признания [Pink, 2020].

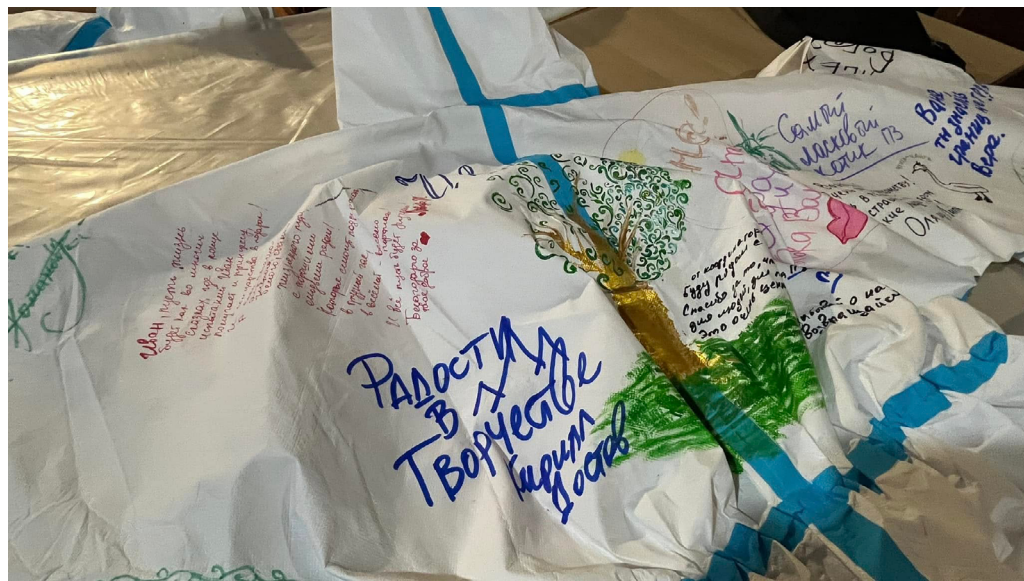

Рисунок 14. Напутствие на СИЗе

В штабе «Шлагбаум» по очистке берегов сделали целую инсталляцию: несколько манекенов в СИЗ, изображающих волонтеров. Эта игра с образом подчеркивала и напряженность ситуации, и способность к самоиронии.

Наконец, визуальные практики сопровождали участников и за пределами штаба. Популярными стали татуировки с изображениями птиц — маленьких, контурных или более сложных, реалистичных (рис. 15). Для многих это был способ увезти с собой сильный эмоциональный опыт участия, зафиксировать его на теле и сделать частью собственной идентичности [Geismar, 2018].

Рисунок 15. Татуировка, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса (публикуется с разрешения информанта)

С точки зрения визуальной антропологии подобные практики можно рассматривать как формы агентности изображений [Gell, 1998]. Карты, рисунки и татуировки не были лишь отражением событий — они поддерживали, спланировали и придавали смысл происходящему. Визуализация превращалась в элемент повседневного действия [Pink, 2020], связывая индивидуальный опыт с коллективной памятью.

Эта связь особенно важна в контексте катастрофических событий, которые по своей природе мимолетны и хаотичны. Визуальные следы — будь то карта с отмеченными городами, граффити на стене штаба или нарисованная птица — превращались в материальные якоря памяти, позволяющие удерживать переживания и превращать их в общую историю. Такие изображения становились медиаторами между личными впечатлениями и коллективным нарративом, представляли собой форму осмысления опыта и сохраняли его для будущего.

Именно через визуальные практики повседневное и эмоциональное получало форму, доступную для совместного воспоминания. Коллективная память здесь складывалась из устных рассказов и документов и из образов, которые работали на сохранение чувства общности. В дальнейшем эти изображения могли служить напоминанием о солидарности, символами пережитого единства и знаками принадлежности к сообществу ликвидаторов ЧС. Тем самым визуализация становилась не просто частью документации катастрофы, но и инструментом трансформации травматического опыта в ресурс коллективной идентичности.

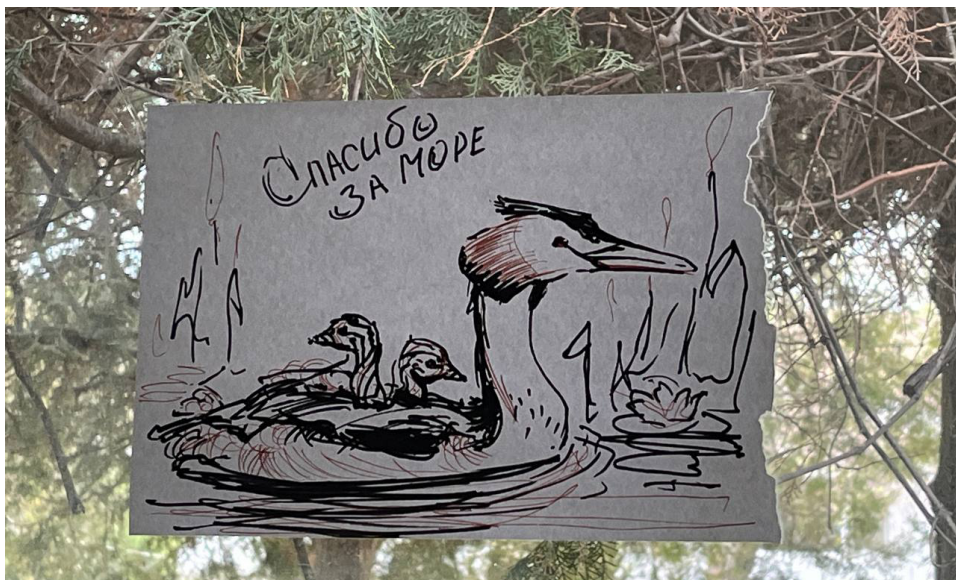

Рисунок 16. Рисунок волонтера, штаб «Динамо»

Но важно, что эти изображения были не просто средствами коммуникации. Они становились частью эмоциональной инфраструктуры штаба (рис. 16).

В условиях постоянных потерь и высокой смертности птиц, когда требовалось удерживать способность взять себя в руки и продолжать работать [Hochschild, 2018], визуальные практики поддерживали баланс чувств, помогали переключать внимание и наполняли среду знаками заботы. Рисунки детей или надписи на перчатках превращались в жесты работы по заботе (care work) [Tronto, 2020], которые касались и птиц, и самих волонтеров. Таким образом, визуальные практики соединяли эстетику спасения и этику заботы: они оформляли пространство штаба и становились ресурсом эмоциональной стойкости и символической заботы, поддерживающей людей в ситуации кризиса.

Опыт солидарности и общности

Экологическая катастрофа, хотя и воспринималась в первую очередь как источник санитарных рисков, стала одновременно и полем формирования новых практик солидарности и коллективного опыта, который многие участники описывали как уникальный:

«Когда я впервые увидела пятна мазута, я ужаснулась. Но это был уникальный опыт — столкнуться не только с катастрофой, но и с настоящими людьми» (ж., фотограф, штаб «Полярные зори», 23.03.2025).

В этом высказывании, помимо масштаба катастрофы, важен акцент на опыте встреч с другими, на обретении *настоящих людей*. Здесь проявляется ключевая особенность волонтерского участия: катастрофа становится не только объектом страха и ужаса, но и средством выхода за пределы индивидуальной замкнутости. Встреча с настоящими людьми воспринимается как момент подлинности и солидарности, где бытовое и рутинное соседствуют с переживанием глубокого человеческого смысла.

Именно поэтому уникальность опыта для волонтеров заключалась как в помощи птицам и очистке побережья, так и в создании нового сообщества. В нем ценились не столько профессиональные навыки или социальный статус, сколько готовность к действию, взаимопомощь и доверие. Этот опыт можно рассматривать как пример формирования горизонтальных связей и практик коллективности в современной России при реакции на катастрофы. Аналогичные примеры выявлены и при исследовании участия волонтеров в России в других чрезвычайных ситуациях, например, в пожарах и наводнениях, где формировались горизонтальные волонтерские сети для ликвидации последствий природных катастроф [Торотоева, 2022; Башева, 2021].

Разлив мазута в Черном море стал еще одним примером формирования коллективного опыта и солидарности во время катастроф. Волонтеры отмечали ощущение общности и взаимозависимости:

«Мы стали как одна семья, хотя раньше не знали друг друга» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Это чувство родства становилось фоном всей работы и придавало смысл самым разным повседневным практикам — от приготовления еды и переноса

мешков с мазутом до бесконечной мойки птиц². Информанты подчеркивали, что именно этот опыт изменил их представление о людях:

«Это дало мне веру в людей. Столько добра и участия я не видела никогда» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

В интервью звучала мысль о взаимном обмене теплом и вниманием:

«Мне нравилось в этом процессе не только спасать птиц, а вот с людьми мне нравился этот обмен энергией, вот эта доброта. Я любила дарить ее. Я любила разговаривать. И обмен добротой» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Риторика героизма в этом контексте многими отвергалась:

«Герои? Да нет, мне кажется, это не про героев. И, наверное, никто из волонтеров не любит про героев... Потому что один бы там стоял — и все. А тут: Таня приносила облепиху, мальчики сделали компьютерную систему учета птиц, ловцы ловили птиц, кто-то убирал мазут, кто-то переводил деньги из другого города... Это только всем сообществом равнодушных можно было повернуть» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

В этих словах звучит важная для участников мысль: речь не о подвигах отдельных людей, а о совместной, распределенной работе, где каждый элемент имеет значение. Такое общее дело открывало и неожиданные горизонты доверия:

«Пока есть люди, не все потеряно. Жизнь продолжается. Сколько прекрасных людей я встретила! Да, мы все разные. На разном этапе, уровне понимания, развития. Но все равно мы — люди. И это здорово» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Другая участница сравнивала это чувство с «энергетическим столбом», который «стоял над этим местом» (ж., местная жительница, Анапа, 21.03.2025), создавая почти сакральное переживание единения. Нередко волонтеры говорили о концентрации добрых людей, о встрече в одном месте большого количества альтруистов и эмпатов, которым в обычной жизни тяжело выживать в жестких структурах. Здесь же они находили пространство, где отзывчивость и готовность проявлять заботу о людях и природе становились нормой:

«Люди из разных городов общаются, дружат и даже ездят друг к другу. Это круто, что сюда приезжают разные люди — от студентов до 70-летнего мужчины из Ейска. У всех разные профессии, взгляды,

² Выражение «мойка птиц» использовалось волонтерами и репрезентирует волонтерский нарратив.

а объединяет одна цель» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Многие отмечали, что именно люди были самым ценным приобретением в этой ситуации:

«Самое ценное? Люди, конечно. И птицы — тоже самое ценное. Но люди! Здесь концентрация добрых людей» (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025);

«Все, что мы отсюда выносим, — это люди, это знакомства. Что бы ни происходило вообще в жизни глобально, люди — это самое ценное» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Эта общность проявлялась и в ритуалах, таких как совместные ночные смены, новогодняя ночь в штабе, песни под гитару:

«При всем аду внешнем это было потрясающее событие с точки зрения людей: обмен шутками, угощениями, советами. Волонтеру нужен волонтер» (м., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 19.03.2025).

Важно и то, что в одном пространстве встречались люди самых разных политических взглядов, возрастов и профессий:

«Тут сидят военные все в зеточках, тут же левые, тут веганы, мясоеды, консерваторы, прогрессивные... Все в этом варятся, общий язык ты со всеми находишь» (м., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 19.03.2025).

Взаимопомощь стирала границы, которые в других обстоятельствах разделяли бы этих людей. Мы наблюдали не вертикальную и институционально заданную форму общности, а горизонтальную, гибкую и эмпатически насыщенную. Она сочетала в себе бытовое, утилитарное и экзистенциальное. *«Мы справились, мы смогли, мы сделали»*, — говорили волонтеры. И это «мы» было не риторической фигурой, а прожитым опытом совместности, который, как признавались информанты, не хотелось терять:

«Я хотела ощутить это командное чувство. Мне кажется, я его здесь и получила... Это ощущение не хочется утратить» (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025).

Ощущение солидарности и общности, которое мы наблюдали в штабах, выходит за рамки классических концепций эмоциональной работы [Hochschild, 2018; Tronto, 2020; de la Bellacasa, 2017]. Здесь эмоциональная

вовлеченность и коллективная забота становятся инструментом организационной устойчивости в условиях кризиса, а не только средством соблюдения норм. Эффективность работы штабов зависела от способности участников совместно управлять эмоциональными ресурсами: поддерживать друг друга, перерабатывать травматический опыт и сохранять мотивацию.

Таким образом, опыт черноморских волонтеров вносит новое в исследования солидарности в условиях катастроф. Этот кейс иллюстрирует, что социальная жизнь в катастрофических ситуациях не сводится к мобилизации ресурсов, она включает интенсивную работу по созданию совместного опыта и коллективного смысла, который становится ключевым ресурсом для преодоления кризиса [Tierney, 2007; Whittaker et al., 2015; Cox, 2023; Houston et al., 2015].

Заключение

Разлив мазута в Черном море выявил не только масштабы экологической уязвимости, но и способность людей выходить за пределы роли пассивных свидетелей катастроф. В условиях отсутствия четких протоколов и институциональной поддержки участники создали собственные практики организации, заботы и солидарности, встроившись в ситуацию разрушения как действующие субъекты.

Штабы, организованные волонтерами, оказались гибридными пространствами: материальная инфраструктура — склады, мойки, пункты хранения — переплеталась с социальными узлами, где возникали новые формы взаимопомощи, эмоциональной поддержки и коллективного согласования. В этих пространствах проявлялись неожиданные формы общности, рождающиеся не из заранее заданных рамок, а из совместного труда и опыта уязвимости. Особое значение приобрело взаимодействие с птицами. Их спасение стало не только практикой ухода, но и способом переосмыслить свое присутствие в мире, ощутить сопричастность с жизнью и смысл собственных действий. Эти трудоемкие и эмоционально насыщенные практики формировали чувство ответственности и солидарности, а для участников становились редким источником личного удовлетворения.

В современной геополитической ситуации в России такие действия обретают дополнительный символический и практический смысл. Совместная работа на благо природы и спасение уязвимых видов выступают не как экологическая обязанность, а как форма активного гражданского участия, утверждение гуманистических ценностей и сохранение моральной автономии. Эти практики показывают, что даже при ограниченных ресурсах, нехватке инфраструктуры и социального согласия возможно создание инфраструктур заботы, где материальное, социальное и эмоциональное взаимодействуют, формируя коллективное противодействие разрушению и укрепляя чувство общности.

Экологическая катастрофа в Черном море демонстрирует, что уязвимость и разрушение могут стать точкой рождения новых форм коллективной субъектности. Вместе проявляя заботу о природе, люди создают значимые

пространства ответственности, солидарности и смысла, где проявляется потенциал человеческого коллективного действия, а экзистенциальная катастрофа превращается в возможность переосмыслить собственное место в мире.

Литература / References

Башева О.А., Невский А.В. Волонтеры в чрезвычайных ситуациях как объект социологического исследования // Информационно-аналитический бюллетень института социологии ФНИСЦ РАН. 2021. № 3. С. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.1> EDN: MLQYFJ

Basheva O. A., Nevskii A. V. (2021) Volunteers in Emergency Situations as an Object of Sociological Research. *Informacionno-analiticheskij byulleten instituta sociologii FNISC RAN* [Information and Analytical Bulletin of Institute of Sociology of FCTAS RAN]. No. 3. P. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.1> (In Russ.)

Торотоева А. М. Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как вид добровольческой деятельности: основные черты, препятствия и возможности развития. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. 2022. № 4. С. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsoc/2022.04.06> EDN: OZEFSB

Torotoeva A. M. (2022) Volunteering in Emergencies as a Type of Volunteer Activity: Main Features, Difficulties and Opportunities for Development (Literature Review). *Socialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11 Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology]. No. 4. P. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsoc/2022.04.06> (In Russ.)

Auyero J., Swistun D. (2009) Tiresias in Flammable Shantytown: Toward a Tempography of Domination. In: *Sociological Forum*. Vol. 24. No. 1. P. 1–21. Oxford: Blackwell Publishing. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2008.01084.x>

Basheva O. A., Ermolaeva P. O. (2025) Digital Volunteering Concept: Definition and Models for Analysis. In: *The Palgrave Handbook of Environmental Policy and Law*. P. 207–219. Cham: Springer Nature Switzerland. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-30231-2_26-1

Cox R. (2023) *Environmental Communication and the Public Sphere*. Thousand Oaks: Sage.

Davis B., Walby K. (2025) Outline of an Interdisciplinary Method: From Counter-Visual Ethnography to Tracing. *Visual Studies*. P. 1–11.

de La Bellacasa M. P. (2017) *Matters of Care: Speculative Ethics in More than Human Worlds*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

De Certeau M. (1984) *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California.

Fassin D. (2013) The Predicament of Humanitarianism. *Qui Parle: Critical Humanities and Social Sciences*. Vol. 22. No. 1. P. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.5250/quiparle.22.1.0033>

Gell A. (1998) *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon Press.

Geismar H. (2018) *Museum Object Lessons for the Digital Age*. London: UCL Press. DOI: <https://doi.org/10.14324/111.9781787352810>

Gill D. A., Liesel A. R., Picou J. S. (2016) Sociocultural and Psychosocial Impacts of the Exxon Aldez Oil Spill: Twenty-four Years of Research in Cordova, Alaska. *The Extractive Industries and Society*. Vol. 3. No. 4. P. 1105–1116. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2016.09.004>

Grasseni C. (2004) Video and Ethnographic Knowledge: Skilled Vision in the Practice of Breeding. In: *Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography*. P. 15–30. London: Routledge.

Hochschild A. R. (2018) *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. New York: The New Press.

Houston J. B., Hawthorne J., Perreault M. F., Park E. H., Hode M. G., Halliwell M. R., McGowen S. E. T., Davis R., Vaid S., McElderry J. A., Griffith S. A. (2015) Social Media and Disasters: a Functional

- Framework for Social Media Use in Disaster Planning, Response, and Research. *Disasters*. Vol. 39. No. 1. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1111/disa.12092>
- Larkin B. (2013) The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 42. P. 327–343. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155522>
- Marcus G. E. (2021) *Ethnography through Thick and Thin*. Princeton: Princeton University Press.
- Morris J. (2025) *Everyday Politics in Russia: From Resentment to Resistance*. New York: Bloomsbury Publishing.
- Naggea J., Miller R. K. (2023) A Comparative Case Study of Multistakeholder Responses Following Oil Spills in Pointe d'Esny, Mauritius, and Huntington Beach, California. *Ecology and Society*. Vol. 28. No. 1. P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-13737-280124>
- Ottinger G. (2022) Becoming Infrastructure: Integrating Citizen Science into Disaster Response and Prevention. *Citizen Science: Theory and Practice*. Vol. 7. No. 1. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.5334/cstp.409>
- Picou J. S. (1997) *The Exxon Valdez Disaster: Readings on a Modern Social Problem*. Dubuque: Kendall/Hunt Publishing Company.
- Pink S. (2020) *Doing Visual Ethnography*. London: Sage.
- Sharpe J. D., Kaufman J. A., Goldman Z. E., Wolkin A., Gribble M. O. (2019) Determinants of Oil-Spill Cleanup Participation Following the Deepwater Horizon Oil Spill. *Environmental Research*. Vol. 170. P. 472–480. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2019.01.009>
- Schuller M. (2016) The Tremors Felt Round the World: Haiti's Earthquake as Global Imagined Community. *Contextualizing Disaster*. P. 66–88. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781789204773>
- Solnit R. (2010) *A Paradise Built in Hell: The Extraordinary Communities that Arise in Disaster*. London: Penguin.
- Tierney K. J. (2007) From the Margins to the Mainstream? Disaster Research at the Crossroads. *Annual Review Sociology*. Vol. 33. No. 1. P. 503–525. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131743>
- Tronto J. (2020) *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003070672>
- Tsing A. L. (2015) *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton: Princeton University Press.
- Florina S. T., Ziccardi M. (2019) Care of Oiled Wildlife. *Medical Management of Wildlife Species: A Guide for Practitioners*. P. 75–84.
- Walker A. H., Pavia R., Bostrom A., Leschine T. M., Starbird K. (2015) Communication Practices for Oil Spills: Stakeholder Engagement During Preparedness and Response. *Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal*. Vol. 21. No. 3. P. 667–690. DOI: <https://doi.org/10.1080/10807039.2014.947869>
- Whittaker J., McLennan B., Handmer J. (2015) A Review of Informal Volunteerism in Emergencies and Disasters: Definition, Opportunities and Challenges. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. Vol. 13. P. 358–368. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2015.07.010>

Сведения об авторе:

Тысячнюк Мария Сергеевна — независимый исследователь, PhD Вагенингенского университета, Нидерланды. **E-mail:** mtysiachn@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [507246](https://www.rinccentral.org/author/507246). **ORCID ID:** [0000-0002-0754-6829](https://orcid.org/0000-0002-0754-6829).

Статья поступила в редакцию: 29.09.2025

Принята к публикации: 20.11.2025

БАК: 5.4.1

Ethnography of Spontaneous Ecological Mobilization: The Black Sea Oil Spill of 2024

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.4

Maria S. Tysiachniouk Independent Researcher, St. Petersburg, Russia
E-mail: mtysiachn@gmail.com

This article examines the experience of volunteers who responded to the oil spill in the Kerch Strait on December 15, 2024. In the absence of clear protocols and institutional support, mobilization unfolded through individual motivations, improvised decisions, and shared practices of care. Drawing on participant observation and 90 interviews, the study analyzes how people integrated into the unfolding disaster. Motivations for participation extended beyond duty or moral to include a search for new experiences, responses to personal crises, and a desire to restore disrupted connections with the sea and birds. Coastal clean-up and bird rescue units formed hybrid networks of the material and the social. These units functioned simultaneously as operational hubs and symbolic community centers.

Practices of interaction with birds were particularly significant, through which volunteers developed new skills and a sense of responsibility. Such experiences found expression in visual imagery which transformed everyday spaces into sites of symbolic communication and collective support. Taken together, these practices illuminate an experience of solidarity forged under conditions of vulnerability and uncertainty. The ecological disaster appears not only as a scene of destruction but also as a moment of emergence for new regimes of community and civic engagement. The Russian case thus complements existing disaster studies, showing that even outside institutional frameworks, infrastructures of care can arise that interweave material, social, and emotional dimensions.

Keywords: environmental disaster; oil spill; Black Sea shoreline clean-up; bird rescue; care; civic engagement; volunteer

Author Bio:

Maria S. Tysiachniouk — Independent Researcher, PhD from Wageningen University, the Netherlands. **Email:** mtysiachn@gmail.com. **RSCI Author ID:** 507246. **ORCID ID:** 0000-0002-0754-6829.

Received: 29.09.2025

Accepted: 20.11.2025